

ОТЗЫВ

официального оппонента
на диссертацию Акопяна Павла Арменовича
«Армянское историописание в V–VII веках:
возникновение, развитие и специфика»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности
07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира)

Диссертация П. А. Акопяна посвящена исследованию малоизученного, но в то же время важного вопроса; важного прежде всего для понимания специфики региональных особенностей позднеантичной культуры и специфики сознания того времени. Историческая мысль, воплощенная прежде всего в историческом нарративе, неизбежно отражает сложность и противоречивость общества, в котором она сформирована. Историк, говоря о прошлом и описывая свое настоящее, вольно или невольно определяет собственное место, а также место своего общества в потоке событий. Обращение же к первым образцам армянской исторической литературы имеет особенную значимость. Их изучение способно показать, с одной стороны, специфику этнического, национального взгляда армян на свое прошлое и настоящее, формировавшего культурную идентичность армянского общества, с другой стороны, проследить влияние на армянскую культуру концептов, сформированных в собственно византийской литературе IV–VI вв.

Диссертант грамотно, на наш взгляд, определяет объект и предмет своего исследования, хронологические рамки (с. 8–9). Диссертант довольно емко формулирует цель исследования и выводит из нее задачи, которые в целом соотносятся с разделами исследования. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что решение 3-х из 5-ти задач сконцентрировано в 3-й главе (примерно 1/5 часть текста), в то время как самая объемная – 2 глава (более 1/3 текста) – направлена на решение лишь одной задачи. Однако даже положения, выносимые на защиту, показывают, что 2-я задача («рассмотреть исторические взгляды каждого из авторов») требует особого внимания и расшифровки: какие аспекты воззрений собирается проанализировать молодой ученый.

Диссертационное исследование обладает достаточными признаками научной новизны. Во-первых, следует сказать о новизне темы. Несмотря на то, что позднеантичная историография как литературный и как культурно-исторический феномен довольно активно изучается (особенно за рубежом), научный интерес к генезису армянской христианской историографии практически отсутствовал. Во-вторых, исследователь по-новому смотрит на сами исторические тексты армянских историй, используя сравнительно новые методологические принципы, рожденных в результате т.н. «лингвистического переворота».

В первой главе диссертант определяет круг текстов, которые отражают генезис армянской историографии, и характеризует традицию её научного

изучения. При написании 1 главы диссертант в полной мере демонстрирует умение работать с научной информацией, почерпнутой из критической литературы, анализировать ее и делать необходимые обобщения. Обзор историографии позволяет сделать диссертанту вывод о том, что произведения первых армянских историков, оцененные в науке в качестве исторических источников, пока мало изучены как памятники исторической мысли и литературы. Следует также отметить, что помимо сугубо источниковедческих вопросов (авторство, источники информации), соискатель уже в этой предваряющей основное содержание диссертации главе решает вопрос о влиянии на армянских историков греко-римской языческой и христианской исторической литературы.

Вторая глава – наиболее значимая и важная с концептуальной точки зрения – посвящена собственно историческим взглядам армянских историков, образам прошлого, которые формировались в трудах историков. Важно, что диссертант, рассматривая каждый изучаемый текст в отдельном параграфе, стремится тем не менее установить неразрывную связь между ними, что и позволяет говорить о существовании определенной складывающейся традиции армянского историописания. Это же особенно подчеркивается и прослеживается в третьей главе (прежде всего в § 2). Армянская историческая проза берет начало в труде, центром которого становится хронологически и пространственно ограниченный сюжет (эпоха Трдата III и становление Армянской Церкви у Агатангехоса), и движется к складыванию универсального взгляда на армянское прошлое (у Хоренаци).

Во 2-й главе диссертант вполне умело выявляет основные идейные установки авторов: противопоставление христианства язычеству, легитимизация новой веры, демонстрация универсальности священной истории (через обнаружение параллелей между ветхозаветным прошлым и авторским настоящим), независимость армянской Церкви от Византийской и пр.

Предложенный диссертантом анализ того, что конструирование рассказа о современной (недавней) истории осуществляется (в частности, в труде Егише) на основе ветхозаветного исторического нарратива, кажется весьма оригинальным. Но этот анализ значим не только для поиска «литературного» образца армянского историка, но и для понимания особенностей христианского исторического сознания. По сути, ветхозаветное прошлое превращается в прообраз истории христианской. На наш взгляд, диссертанту для того, чтобы быть более убедительным в проведении этой мысли, не хватает знания вопросов, лежащих за пределами античного историописания. Не лишним было бы помнить, что тексты Священного Писания допускают, с точки зрения Отцов Церкви, историческое, аллегорическое, тропологическое, анагогическое истолкования (см., например, Иоанна Кассиана). Так вот, обнаружение аллегорического толкования Маккавейских книг у Егише могло быть включено в более широкий теоретический контекст. В свою очередь, наличие аллегорического понимания истории ставит под сомнение категорическое утверждение диссертанта о том, что история у армянских авторов исключительно линейна (диссертант неоднократно подчеркивает, что в древней армянской историографии выделяются две концепции: оптимистическая и пессимистическая). История не может быть исключительно линейной, если в ней раз за разом воспроизводятся устойчивые модели.

Хочется подчеркнуть, что речь идет не просто о «цитатах», а об особом понимании логики истории.

Что касается третьей главы, то сразу надо сказать о некорректном ее наименовании. Судя по нему, автор собирается говорить о специфике мысли, а (как видно из заголовков параграфов) говорит о специфике литературной формы (жанр – § 1), или формы подачи материала (композиция – § 2, параметры текстов – § 3). При этом текст самих параграфов посвящен как анализу формы, так и изучению мыслительных конструкций. По-видимому, это соотношение материала необходимо было уравновесить в том числе на уровне заголовков.

Проблема, поставленная в главе, безусловно, обладает признаками актуальности и научной значимости. Важно увидеть, как на разных уровнях (в том числе жанровом) происходила адаптация античной литературной традиции в армянском обществе. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что произведения первых армянских историков сложно отнести к какому-то определенному жанру. В то же время, предложение диссертанта вывести «новый» жанр: жанр «исторической прозы с признаками (элементами) форм и видов античной и общехристианской литературы» (с. 204) – выглядит не очень удачным. Всё звучит расплывчато (особенно «общехристианская литература»), а сама формулировка исключает наличие у «жанра» четких границ. По большому счету, к выдуманному диссертантом жанру можно отнести, если не все, то почти все исторические труды христианской Античности. Большинство из них наполнено письмами, рассказами о святых, о видениях и чудесах, иногда рассуждениями дидактического и теологического характера.

Второй параграф главы выглядит более состоятельным. По крайней мере, в нем предложен конструктивный (а не деструктивный, как в случае с жанром) взгляд на армянскую историографию как на целостное явление, отражающее не только индивидуальные авторские взгляды, но комплекс исторических представлений, сформированных в коллективном сознании армян.

Достаточно убедительны наблюдения диссертанта относительно техники работы армянских историков с источниковым материалом, о социальных функциях армянских исторических сочинений: в том числе формирование национальной идентичности и исторической памяти. Единственное, «практическая» функция, о которой упоминает диссертант, в литературе чаще всего называется «дидактической».

В целом высоко оценивая диссертационное исследование П.А. Акопяна, следует сделать ряд замечаний и задать уточняющие вопросы.

Во Введении диссертант говорит о привлечении к работе дополнительных источников. Однако при этом не хватает обоснования того, почему привлечены в качестве вспомогательных именно упомянутые тексты. Например, почему привлечена «История» Созомена и не привлечена «История» Сократа Схоластика или фрагменты «Истории» Филосторгия? Почему «Пасхальная хроника» привлечена только в русском переводе (а это перевод лишь ее незначительной части), а «Хронография» Иоанна Малалы не привлечена вообще? Словом, любой отбор требует пояснений.

В первой главе, говоря об источниках, диссертант среди прочего объясняет свой отказ от изучения двух текстов – «Жития Маштоца» и «Повест-

вования о делах армянских». Соглашаясь с тем, что жития, несмотря на богатство в них исторической информации, следует отделять от «историй», не соглашусь с тезисом диссертанта о том, что житие не является историческим трудом «в прямом смысле», потому что в нем преобладает «не историческая объективность... а... тенденция восхваления <святого> и его духовных подвигов» (с. 22). Этот тезис явно противоречит методологическим установкам самого автора. При анализе исторического сознания той или иной эпохи сама необъективность историка, невольное искажение или намеренная подтасовка им фактов должны стать предметом исследования. Другое дело – соответствие или несоответствие конкретного труда историографическому жанру. И совсем непонятна позиция автора относительно «Повествования о делах армянских». П.А. Акопян пишет, что хронологически этот труд относится к изучаемому периоду, написан армянином, сообщает о ключевых событиях армянской и византийской истории, но заключает, что «жанровая специфика сочинения, его концептуальное, информативное содержание **с трудом** позволяют отнести это сочинение к памятникам армянской письменности» (с. 23). Хотелось бы услышать, в чем трудность? Как жанровая специфика текста может влиять на принадлежность его к той или иной национальной письменной традиции? Есть жанры недопустимые для армянской литературы?

Во второй главе диссертации ее автор постоянно стремится использовать тот методологический аппарат, о применении которого он заявлял во Введении. Действительно, он обращается к анализу лексической структуры текста, проводит семантический анализ. Между тем, в ходе чтения диссертации создается впечатление, что исследователь работает с переводами источников (на русский или английский язык), а не с оригинальными текстами. Лишь в третьем параграфе последней главы дается терминологический анализ с использованием греческих и армянских понятий. Но и этот анализ порой идет вслед за наблюдениями Р. Томсона. Сколь бы не были совершенны переводы, они не в состоянии передавать смысловые оттенки используемой авторов лексики. Хотелось бы в ходе защиты получить пояснения на этот счет со стороны диссертанта.

Некоторые заявления диссертанта выглядят весьма категоричными, при этом бездоказательными. Так, на с. 67 он сообщает, что, по признанию Агатангехоса, он был знаком с греческой литературной традицией. Из этого (а не из анализа текста!) делается вывод: «влияние позднеантичных византийских моделей историописания (а, возможно, и сирийских) на мировоззрение историка очевидно». Скорее, оно «не исключено», а не «очевидно»; очевидным оно станет после анализа повествовательных структур.

Претензии должны быть высказаны и к языку диссертации. Уже с первых ее страниц встречаются речевые ошибки. Все-таки, по правилам русского языка, названия, помещенные в кавычки, должны склоняться. Поэтому название § 3 главы II должно начинаться: «Философия армянской истории в “Слове о Войне Армянской”...», а не «Философия армянской истории в “Слово о Войне Армянской”...». С. 7: «слабость современной отечественной арменистики **заключается**, прежде всего, **с узостью** предметного поля». С. 159: «середина армянской истории начинается с правления Вагаршака Аршакида». Середина не может начинаться, она может приходиться. Начи-

